

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАИМОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 24132/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

21 ноября 2017 года

Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Каимова и другие против России» (*Kaimova and Others v. Russia*)

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Комитетом в составе:

Бранко Лубарда, *Председатель*,

Пере Пастор Виланова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 31 октября 2017 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано на основании жалобы (№ 24132/12), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») 11 апреля 2012 года тремя гражданами Российской Федерации: Дамани Каимовой, Марьям Молдыевной Каимовой и Зариной Тамиевной Масхуровой (далее - «заявители»).

2. Интересы заявителей представляли Э. Весселинк, В. Коган и А. Кушлейко, адвокаты из организации «Правовая инициатива по России» и организации по оказанию правовой помощи «Астрей». Интересы властей Российской Федерации (далее - «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на данном посту М. Гальперин.

3. Заявители, в частности, утверждали, что их родственник, Молды Лом-Алиевич Каимов (далее - Каимов) умер в заключении по причине отсутствия надлежащей медицинской помощи и что эффективного расследования обстоятельств его смерти не проводилось.

4. 3 декабря 2014 года вышеупомянутые жалобы были коммуницированы Властям, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

5. Власти возражали против рассмотрения жалобы Комитетом. Рассмотрев возражение Властей, Европейский Суд его отклонил.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Дамани Каимова, Марьям Молдыевна Каимова и Зарина Тамиевна Масхурова родились 16 февраля 1953 года, 13 января 2005 года и 18 сентября 1981 года соответственно. Они проживают в Чеченской Республике. Первый заявитель является матерью, второй заявитель - дочерью и третий заявитель - вдовой умершего Каимова.

А. Уголовное производство в отношении Каимова

7. 23 сентября 2006 года Каимов был задержан за участие в незаконном вооруженном формировании на территории Чеченской Республики. В ходе расследования и судебного разбирательства заявитель находился под стражей. 1 ноября 2006 года Ачхой-Мартановский районный суд Чеченской Республики признал его виновным по обвинениям, связанным с участием в вооруженном формировании и незаконным приобретением оружия. Он был приговорен к лишению свободы сроком на два с половиной года.

8. В то же время ему были предъявлены обвинения в покушении на убийство сотрудников правоохранительных органов, совершенной с использованием самодельного взрывного устройства, а также в совершении других правонарушений. 28 октября 2008 года Верховный Суд Чеченской Республики признал его виновным в предъявленных ему обвинениях и приговорил к шести с половиной годам лишения свободы.

Б. Медицинское состояние Каимова и его лечение во время содержания под стражей

9. До заключения под стражу Каимову был поставлен диагноз «туберкулез», в связи с которым он проходил амбулаторное лечение в местной больнице.

10. При поступлении в СИЗО Каимов сообщил надзорным органам о наличии у него туберкулеза. Рентгеновское обследование грудной клетки в январе 2007 года выявило признаки данного заболевания. Было назначено стандартное первоочередное лечение.

11. В начале 2009 года Каимов был этапирован отбывать наказание в Республику Татарстан. В марте 2009 года он поступил в тюремное медицинское учреждение № 1 в Нижнекамске, где туберкулез был вылечен, что 7 июня 2009 года подтвердила медицинская комиссия.

12. 2 октября 2009 года Каимов был выписан из тюремного медицинского учреждения и переведен в СИЗО № ИЗ-16/2 в г. Казани. Вскоре после этого его здоровье ухудшилось.

13. 28 октября 2009 года администрация СИЗО направила его в тюремное медицинское учреждение № 2 в г. Казани (далее - «больница следственного изолятора»), где Каимову был поставлен диагноз «туберкулез правого легкого на стадии разрушения тканей». Ему было назначено лечение лекарственными препаратами второй линии.

14. В феврале и марте 2010 года врачи отметили прогрессирование болезни. В то время Каимов начал кашлять кровью. Его состояние удалось взять под контроль за счет измененного интенсивного лечения.

15. 14 апреля 2010 года ввиду «небрежного отношения Каимова к своему лечению» врач разъяснил ему важность регулярного приема предписанных ему лекарств. 22 апреля и 1 мая 2010 года врач разговаривал с ним об этом повторно.

16. В конце мая 2010 года первый заявитель посетила своего сына. Состояние здоровья Каимова было неудовлетворительным. Он заявил, что его никак не лечили и что «медицинский персонал абсолютно не обращал никакого внимания на его состояние».

17. 22 апреля, 31 мая и 8 июня 2010 года лечащий врач Каимова повторно сделал в медицинской карте отметку о том, что пациент не принимал предписанные ему лекарства, и о необходимости соблюдения пациентом всех медицинских указаний. Каимов не подписал эти медицинские записи.

18. К середине июня 2010 года состояние Каимова стало тяжелым. Он больше не мог вставать с постели.

19. 24 июня 2010 года один из заключенных в СИЗО предположительно сообщил первому заявителю о том, что состояние ее сына стало очень тяжелым и что ему не оказывают медицинского ухода.

20. Через четыре дня К., адвокат, работающий с организацией «Правовая инициатива по России» опросил Каимова в больнице следственного изолятора. Он заявил, что не получал лекарства, поскольку в больнице следственного изолятора они отсутствовали. Руководство тюремного госпиталя отказывалось принимать посылки с лекарствами для заключенных.

21. Каимов умер от сердечной недостаточности, вызванной туберкулезом, 1 июля 2010 года. Первый заявитель не дала разрешения на вскрытие.

В. Расследование смерти Каимова

22. По утверждению Властей, следственные органы провели расследование обстоятельств смерти Каимова, по результатам которого 21 июля 2010 года было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

23. 22 ноября 2010 года К. направил руководителю Следственного комитета Республики Татарстан запрос на проведение расследования обстоятельств смерти Каимова. Он указал, что заключенный жаловался на отсутствие лечения в период содержания под стражей. Копия записи опроса от 28 июня 2010 года была приложена к указанному запросу.

24. Следственные органы допросили К., который подтвердил свои показания, а также И., заведующую туберкулезным отделением, ответственную за лечение Каимова в 2009 и 2010 годах. Врач заявила, что пациент проходил лечение от туберкулеза до конца мая 2010 года, когда он отказался принимать любые лекарства.

25. 6 декабря 2010 года, ссылаясь на показания И., следственные органы заключили, что со стороны медицинских органов не выявлено признаков небрежности. Они приняли решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

26. Три недели спустя вышестоящий следователь отменил это решение, отметив, что следствие не было тщательным, в частности, потому, что не были собраны медицинские документы.

27. 5 января 2011 года следователь повторно отказал в возбуждении уголовного дела. Данное решение было отменено вышестоящим органом 15 марта 2011 года из-за отсутствия необходимых следственных мер в связи с тем, что следователь не устранил недостатки, уже выявленные в предшествующих решениях.

28. Через двенадцать дней после отмены его предыдущего решения следователь повторно отказался возбуждать уголовное дело, основывая свое новое решение на тех же доказательствах и доводах, что и прежде.

29. В то же время К. подал новое заявление о возбуждении уголовного дела в Центральный межрайонный отдел Следственного комитета по Республике Татарстан. В заявлении он требовал от следственных органов проверить, привело ли предполагаемое бездействие медицинских органов к лишению медицинского ухода, преступлению, предусмотренному российским Уголовным кодексом. 10 мая 2011 года дело было направлено в районный отдел полиции «Промышленный» города Казани.

30. Оперативный уполномоченный допросил фтизиатра, лечившего Каимова, а также медсестру больницы следственного изолятора. Они единогласно заявили, что пациент отказался от лечения.

31. 29 мая 2011 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела. Основываясь на вышеуказанных заявлениях и истории болезни Каимова, он установил, что смерть последнего стала результатом его собственного безответственного решения не принимать предписанные ему лекарства и что медицинские органы предприняли все разумные меры, чтобы убедить его возобновить лечение.

32. Первый заявитель обжаловала постановление от 29 мая 2011 года. Ее апелляционная жалоба была отклонена в последней инстанции Верховным Судом Республики Татарстан 11 октября 2011 года. Суды постановили, что расследование обстоятельств смерти Каимова было тщательным и исчерпывающим. Решение об отказе в возбуждении уголовного производства было основано на проверке медицинской карты и показаний ряда свидетелей, в т.ч. медицинского персонала больницы следственного изолятора. Суды подтвердили вывод следователя о том, что Каимов отказывался от лечения и не соблюдал рекомендации медицинского персонала. Суды также отметили, что первый заявитель знала о поведении Каимова и не подавала никаких жалоб на качество лечения, предоставляемого в тот период.

33. После коммуницирования жалобы Властям Российской Федерации они заявили, что 13 и 26 февраля 2015 года постановления от 27 марта и 29 мая 2011 года, соответственно, были аннулированы вышестоящими представителями органов государственной власти, и было предписано проведение дополнительных следственных мер. В частности, было предписано проведение врачебной экспертизы.

34. Согласно переписке заявителей от 3 июля 2015 года, уголовное расследование еще не завершено. Сведения о результате указанного расследования отсутствуют.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

35. Соответствующие положения внутригосударственного и международного права, касающиеся общего медицинского обслуживания заключенных, изложены в постановлении Европейского Суда от 15 декабря 2015 года по делу «Ивко против России» (*Ivko v. Russia*) (жалоба № 30575/08, пункты 55-62).

36. Правила, касающиеся отказа пациента от медицинского ухода, изложены в статье 33 российского Закона о здравоохранении (Федеральный закон № 5487-1 от 22 июля 1993 года). В редакции, действовавшей в период рассматриваемых событий, статья 33 гласила, что пациент или его или ее законный представитель имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. В случае отказа от медицинского вмешательства пациент или законный представитель должен быть в понятной форме

уведомлен о возможных последствиях такого отказа. Отказ должен быть зафиксирован в медицинской карте пациента с указанием перечня возможных неблагоприятных последствий под роспись пациента или законного представителя пациента, а также врача.

37. Приказ Министерства юстиции России № 190 и приказ Министерства здравоохранения и социального развития России № 640 от 17 октября 2005 года содержат Регламент по медицинскому уходу за заключенными. Согласно пункту 39 Регламента отказ подозреваемого, обвиняемого или осужденного от прохождения медицинского осмотра или лечения должен быть зафиксирован в медицинской карте под роспись пациента и члена медицинского персонала. Должна быть проведена беседа с пациентом с объяснением, в максимально понятной форме, последствий такого отказа. Медицинский персонал должен обсудить отказ заключенного подписывать отказ от лечения и зафиксировать факт отказа в его или ее медицинской карте.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

38. Заявители жаловались на то, что власти не обеспечили Каимову надлежащего медицинского ухода в связи с туберкулезом и что, тем самым, несут ответственность за его страдания и смерть. Заявители также жаловались на то, что расследование смерти было ненадлежащим и неэффективным.

39. Суд полагает, что вышеупомянутые жалобы должны быть рассмотрены в рамках статьи 2 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. ...»

A. Доводы сторон

40. Власти утверждали, что медицинские органы предоставили Каимову надлежащий медицинский уход. Результатом стало его выздоровление от туберкулеза в июне 2009 года. После повторного заболевания его направили в соответствующее медицинское учреждение, имеющее весь необходимый персонал и оборудование для его лечения. Власти представили дипломы и сертификаты, подтверждающие квалификацию лечащих врачей Каимова. Власти утверждали, что ухудшение здоровья пациента было вызвано его отказами от лечения в мае 2010 года, которые врачи были вынуждены

принять. Власти также заявляли, что расследование было проведено в соответствии с требованиями статьи 2 Конвенции. Решения об отказе в возбуждении уголовного дела были отменены в феврале 2015 года и были приняты определенные дополнительные следственные меры, включая проведение врачебных экспертиз.

41. Заявители утверждали, что Каимов не отказывался от приема предписанных ему лекарств. Представители надзорных органов не выдавали ему предписанные лекарственные средства, поскольку такие лекарства у них отсутствовали, и что в любом случае лечение Каимова было неэффективным. Они подвергли сомнению квалификацию врачей и достоверность показаний И. При этом, ссылаясь на документы, представленные Властями, они отметили, что в период между 7 апреля и 3 июня 2010 года она проходила обучение на медицинских курсах в течение 288 часов и, соответственно, не могла быть свидетелем отказа Каимова от лечения туберкулеза. Заявители отмечали, что несмотря на неоднократное возобновление разбирательства, следственные органы не допрашивали других заключенных и не запрашивали проведения экспертной оценки качества его лечения. Несмотря на период времени, прошедший со дня смерти Каимова, разбирательство продолжается.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

42. Суд, прежде всего, подчеркивает, что в случаях нарушения права на жизнь он принимает жалобы от родственников умершего лица (см. постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 года по делу «Айтекин против Турции» (*Aytekin v. Turkey*), *Отчеты о постановлениях и решениях 1998-VII*). Следовательно, заявители, мать, дочь и вдова умершего Каимова, могут утверждать о том, что в связи с его смертью в период содержания под стражей имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

43. Суд также отмечает, что данные жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалобы

(а) Соблюдение Государством обязательства по защите жизни

(i) Общие принципы

44. Применимые общие принципы были изложены в постановлении Европейского Суда от 27 ноября 2014 года по делу «Карсакова против России» ((*Karsakova v. Russia*), жалоба № 1157/10, пункты 46-49); постановлении Европейского Суда от 3 февраля 2011 года по делу «Геппа против России» ((*Geppa v. Russia*), жалоба № 8532/06, пункты 68-72); и постановлении Европейского Суда по делу «Слимани против Франции» ((*Slimani v. France*), жалоба № 57671/00, пункты 27-32, ECHR 2004-IX (выдержки)).

(ii) Применение общих принципов к настоящему делу

45. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что Каимов скончался от туберкулеза в период содержания под стражей, находясь под контролем органов власти. Для того чтобы установить, выполнило ли государство-ответчик свое обязательство по защите жизни в соответствии со статьей 2 Конвенции, Суд должен рассмотреть, сделали ли соответствующие государственные органы все, что было в их силах, добросовестно и своевременно, для предотвращения смертельного исхода (см. постановление Европейского Суда от 11 февраля 2016 года по делу «Карпыленко против Украины» (*Karpylenko v. Ukraine*), жалоба № 15509/12, пункт 81).

46. Суд отмечает, что решающим вопросом в данном деле является вопрос о том, являлись ли критические перерывы в лечении Каимова от туберкулеза результатом его собственного отказа от приема лекарств или же результатом отсутствия лекарств в следственном изоляторе.

47. Принимая во внимание то, что обстоятельства смерти Каимова в полном объеме известны исключительно представителям органов власти, Суд считает, что бремя доказывания и представления удовлетворительного и убедительного обоснования их точки зрения лежит на Властях.

48. Версия Властей преимущественно подтверждалась медицинскими записями, сделанными лечащим врачом Каимова в апреле, мае и июне 2010 года. Согласно этим записям, пациент не получал регулярного лечения по причине своего отказа от него (см. пункты 15 и 17 выше). Упомянутые врачом «беседы по данному вопросу» не убедили пациента соблюдать медицинские предписания.

49. Суд отмечает, что вышеупомянутые записи не были подписаны Каимовым. Медицинская карта не содержит никаких объяснений

отсутствия его подписи. Соответственно, оспариваемые записи не соответствуют требованиям российского законодательства, и их нельзя считать надлежащим отказом от медицинского ухода (см. пункты 36 и 37 выше). Уже этот факт сам по себе подвергает серьезному сомнению достоверность доводов Властей. Принимая во внимание то, что Каимов неоднократно жаловался первому заявителю и К. на отсутствие медицинского ухода, Суд не может доверять утверждению Властей о том, что Каимов отказался от лечения.

50. В данных обстоятельствах Суд считает, что перерывы в жизненно важном лечении Каимова были необоснованными (см., с учетом необходимых изменений, постановление Европейского Суда от 14 февраля 2017 года по делу «Караханян против России» (*Karakhanyan v. Russia*), жалоба № 24421/11, пункты 45-50).

51. Суд уже отмечал важность регулярной, непрерывной поставки необходимых лекарств от туберкулеза пациентам, указывая на то, что это является ключевым фактором успешного лечения туберкулеза (см. постановление Европейского Суда от 24 мая 2016 года по делу «Макшаков против России» (*Makshakov v. Russia*), жалоба № 52526/07, пункт 98; постановление Европейского Суда от 21 декабря 2010 года по делу «Гладкий против России» (*Gladkiy v. Russia*), жалоба № 3242/03, пункт 94; и постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 года по делу «Яковенко против Украины» (*Yakovenko v. Ukraine*), жалоба № 15825/06, пункты 98-102). Учитывая серьезность состояния Каимова, Суд считает, что отсутствие доступа к лекарствам от туберкулеза подвергло его здоровье и жизнь опасности и могло повлиять на летальный исход. Соответственно, Суд делает вывод, что в нарушение своих положительных обязательств в соответствии со статьей 2 Конвенции органы власти не обеспечили Каимову надлежащего медицинского обслуживания и, тем самым, не смогли защитить его право на жизнь.

(б) Соблюдением Государством обязательства по проведению эффективного расследования

(i) Общие принципы

52. Применимые общие принципы были изложены в упоминавшихся выше постановлениях Европейского Суда по делам «Карпыленко против Украины» (пункт 96) и «Геппа против России» (пункт 86).

(ii) Применение общих принципов к настоящему делу

53. Суд отмечает, что неоднократно постановлял, что, если человек умирает в период содержания под стражей в обстоятельствах, потенциально привлекающих к ответственности государство, даже

если явной причиной смерти является медицинское состояние, статья 2 Конвенции влечет за собой обязанность со стороны государства по обеспечению надлежащего следственного действия (см. упоминавшиеся выше постановления по делам «Карпыленко против Украины» (пункт 96) и «Карсакова против России» (пункт 54)). Суд полагает, что в настоящем деле смерть Каимова в период содержания под стражей и утверждения заявителей о ненадлежащем медицинском лечении повлекли за собой обязанность государства по обеспечению эффективного расследования, как этого требует статья 2 Конвенции.

54. Суд напоминает, что система, предусмотренная статьей 2 Конвенции, должна обеспечивать независимое и беспристрастное официальное расследование, отвечающее определенным минимальным стандартам эффективности (см. постановление Европейского Суда от 5 июля 2005 года по делу «Трубников против России» (*Trubnikov v. Russia*), жалоба № 49790/99, пункт 88).

55. На основании документов, имеющих в его распоряжении, Суд делает вывод о том, что после возобновления в феврале 2015 года уголовное расследование завершено не было (см. пункты 33 и 34 выше). Также очевидно, что не была принята одна из наиболее важных следственных мер в случаях, касающихся врачебной халатности, а именно экспертная оценка качества медицинского ухода. Суд не может проигнорировать факт того, что вывод следственных органов преимущественно основывался на показаниях трех членов персонала больницы следственного изолятора. Доказательная сила показаний одного из медицинских работников, И., которая отсутствовала в больнице следственного изолятора в соответствующий период времени (см. пункт 41 выше), является сомнительной. Кроме того, следственные органы, доверяя показаниям трех работников больницы, лиц, которых можно было подозревать в халатности, не предприняли никаких мер для допроса других заключенных, находившихся в СИЗО вместе с Каимовым, и других пациентов больницы следственного изолятора.

56. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд делает вывод о том, что органы государственной власти не провели тщательное и эффективное расследование заявлений о том, что смерть Каимова стала результатом ненадлежащего лечения от туберкулеза. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

II. ПРИМЕНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

57. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

58. Заявители требовали возмещения морального вреда. Они оставили вопрос о размере компенсации на усмотрение Суда.

59. Власти выразили свое несогласие, утверждая, что нарушение Конвенции отсутствовало.

60. Производя оценку на справедливой основе, Суд считает обоснованным присудить заявителям совместно 24 000 евро в качестве возмещения морального ущерба, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

61. Заявители также потребовали выплатить им 4 544 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных ими в Суде, включая судебные, административные и почтовые издержки, подлежащие выплате непосредственно на банковский счет организации «Правовая инициатива по России».

62. Власти сочли такое требование необоснованным.

63. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и собственную прецедентную практику, Европейский Суд считает целесообразным присудить сумму в размере 3 000 евро для покрытия всех судебных расходов и издержек.- Данная сумма подлежит выплате на банковский счет организации «Правовая инициатива по России», указанный представителями заявителей.

В. Проценты за просрочку платежа

64. Европейский Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* жалобу в части отсутствия надлежащего медицинского ухода за Каимовым и неэффективного расследования обстоятельств его смерти приемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции ввиду того, что власти не защитили право Каимова на жизнь;
3. *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции по причине непроведения властями эффективного расследования обстоятельств смерти Каимова;
4. *постановил*,
  - (a) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
    - (i) 24 000 (двадцать четыре тысячи) евро заявителям совместно в качестве компенсации неимущественного вреда, включая любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
    - (ii) 3 000 (три тысячи) евро в качестве компенсации расходов и издержек заявителей, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, подлежащие перечислению на банковский счет организации «Правовая инициатива по России», указанный представителями заявителей;
  - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанных сумм выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода невыплаты, плюс три процентных пункта;
5. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 21 ноября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Бранко Лубарда
Председатель